

проявилась возможность мифологизации в том числе технологических рисков.

Подводя итог, обратимся к известной формуле: «Риск = Опасность + Динамическая адаптация». Возникающий соблазн заняться перестановкой ее слагаемых демонстрирует, что тематика рисков, несомненно, значимая и актуальная, зачастую сводится к созданию искусственных, иллюзорных конструкций. Утрированная апелляция к рискам предполагает прежде всего наличие определенного типа мышления. «Потребление» рисков – и повседневно-бытовое, и дисциплинарное – зачастую искажает реальную картину, превращая риски в метафору, а не предмет исследования. Перспективы этой проблематики зависят, прежде всего, не от ее фетишизации, а от целостности аналитического подхода.

НЕИЗБЕЖНОСТЬ ВЫБОРА МЕЖДУ КРЕАТИВНОСТЬЮ И ТВОРЧЕСТВОМ

И.Я. Мацевич, г. Минск, Беларусь

В современных концепциях инновационного развития общества понятие креативности оказывается одним из центральных. Для отечественной гуманитарной мысли оно является заимствованным из западной культуры. В качестве его аналога на протяжении всей истории эволюции отечественных социально-гуманитарных наук использовалось понятие творчества. Для того, чтобы разобраться в смысловых оттенках используемых нами в повседневной действительности слов, обратимся вначале к их этимологии.

Существительное «творчество» происходит от глагола «творити», а последний, вероятно, – от древнегреческого ποιεῖν – творить, делать, производить [1, с. 760]. Не исключается его родственная связь и с литовским tvėrti – охватывать, огораживать [2, с. 33]. Существует также точка зрения, предполагающая его родство с индоевропейским корнем «tuer» – хвататься, охватывать, обрамлять [3, т. 2, с. 231].

В русском языке понимание и толкование творчества произрастает из греко-византийской культуры, где «творити» изначально было тесно связано с мирской повседневной работой. При этом слово «творить» не имело эгоцентрического смысла реализации собственного замысла, удовлетворения собственного желания, скорее – свершения чужой воли, исполнения чужого желания (которое могло стать и собственным).

Ещё один аспект, который необходимо выделить в этимологии слова «творчество», – связь с теми словами, которые имели значение ограничения пространства. Этот аспект особенно важен, так как с ним связано стремление выделить ГРАНИЦЫ творчества. Для сохранения преемственности определения «творчества» необходимо не потерять в

наших интерпретациях ориентацию на частичное ограничение пространства актуализации и реализации социального творчества.

При первом сопоставлении исконных значений творчества и креативности едва ли удастся найти принципиальные различия. Во многом такого рода сложность обусловлена уже сформировавшейся традицией перевода латинских слов на русский язык. Понятие креативности происходит от латинского «creo» [4, с. 270] – творить, создавать, производить, делать, назначать, вызывать, порождать; creatio – созидание, порождение, избрание или назначение; creator – создатель; creatura – творение, создание. Это понятие активно использовалось и применительно к древнегреческому наследию. Например, при переводе неоплатоников на латинский язык понятие подчёркивало энергетический и мёонический характер происхождения субстанции. Оно изначально предполагало автономное, независимое ни от чего мирского, произведение нового из трансцендентного. Тогда как актуализация и воплощение этого нового в мире, эманация нового в мир – это уже следующая стадия эволюции нового, по-разному трактуемая в различных философских и религиозных школах. Здесь важно подчеркнуть изначальную довольно сильную сакрально-мистическую окрашенность существительного «сгео». Однако с течением времени понятие «креативность» частично утратило эту окраску. Во многом эту утрату можно объяснить особенностями эволюции западноевропейской культуры. С эпохи Романтизма (в эпоху Возрождения ещё сохранялось влияние древнегреческих и христианских трактовок «сгео») начинается торжественное восхождение светской и антропоморфной трактовки креативности – потенциала, заложенного в природе человека, направленного на самотворение себя из данного ему самой природой.

Едва ли в эпоху Романтизма сакральное уходит из определения креативности. Изменяется трактовка его сущности, но само сакральное не покидает понятия «сгео». Человек отныне уповает на самого себя в нахождении пути к трансцендентному (в различных его проявлениях и формах). Выходя за рамки собственного Я (этим порывом вдохновлена вся немецкая классическая философия), субъекту предстоит либо обрести новое Я после возвращения к имманентному из области трансцендентного, либо потерять себя на пути домой. Таким образом, с Нового времени креативная деятельность человека не утрачивает своего сакрально-таинственного характера, скорее, она теряет возможность однозначной идентификации этого трансцендентного после усомнения в существовании Бога. Отсюда проистекает и драма, непрестанно разворачивающаяся в сознании западноевропейской креативной личности, претендующей пробиться к неопределённому и неуловимому.

Эта драма была несколько смягчена в отечественной культуре при раскрытии сущности творческой деятельности вплоть до советской эпохи. Православная культура задавала определённые границы определения трансцендентного и путей приближения творческой личности к нему. Однако в философском сознании эта драма преодоления самих границ непрестанно разворачивалась. Ярким тому подтверждением являются не только работы, но и судьбы русских религиозных философов. Парадоксальность самой природы понятия творчества отражает его эволюцию от древнегреческой и древнерусской (языческой) трактовки творчества как мирского исполнения своих обязанностей и долга до осознания их заданности и предписанности свыше Богом. Эта гетерогенность творчества порождает непреодолимые противоречия между послушанием и волей творить новое. Так, например, когда Н. Бердяев пытается определить суть творчества [5], он выходит за рамки мирского послушания Богу. Человек-творец по определению своему грешник, поэтому он и творит, не удовлетворяясь тем, что дано ему свыше. *Святые не творят*, так как они вне драмы творчества, они уяснили и обрели высшую правду и спокойствие.

Трактовка Бердяева проясняет предпосылки разведения понятий творчества и креативности. При дальнейшем сопоставлении характеристик двух понятий в западных и отечественных философских работах, в частности, Н. Бердяева и А. Бергсона, можно найти следующие схожие свойства в их описании: 1) сотворение нового; 2) своеволие, проявляющееся как в эгоцентризме, так и во временном (или длительном) отказе от собственного Я – в претензии выйти за рамки собственного Я и вернуться к преображённому Я; 3) учёт объективных законов и принципов развития окружающего мира, которые задают *границы* реализации своеволия творческого порыва.

Наличие этих сходств содействует экспансии понятия «креативность» в отечественной философской традиции и социальной практике, так как, несмотря на различия в происхождении ключевых значений понятий творчества и креативности, есть основания и подтверждения их сближения в работах западных и отечественных философов. Тем не менее, следует учитывать и не забывать их принципиальные отличия.

В итоге, понятие креативности, проникнув в нашу повседневность из западноевропейской культуры, наследует заимствованную извне несколько прагматическую трактовку его сущности: создание нового в соответствии с определёнными социальными и индивидуальными потребностями и задачами. В большинстве западных трактовок будет присутствовать акцент на материализации и опредмечивании творческой энергии в социальной реальности в процессе решения определённых эволюционных задач.

Литература:

1. Греческо-русский словарь, изданный Киевским отделением Общества классической филологии и педагогики / обработал А.О. Поспишил. – 2-е изд.; испр. и доп. – Киев : В.И. Завадского, 1890. – VIII.
2. Фасмер, М. Этимологический словарь русского языка : в 4 т. Т. 4 / М. Фасмер – М.: АСТ, 2003.
3. Черных, П.Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка: в 2 т. / П.Я. Черных. – М.: Рус. яз.-Медиа, 2004.
4. Дворецкий, И.Х. Латинско-русский словарь / И.Х. Дворецкий. – М.: Рус. яз., 1976.
5. Бердяев, Н.А. Смысл творчества : [Опыт оправдания человека]: сборник / Н.А. Бердяев. – М.: АСТ ; Харьков: Фолио, 2002.

НОВАЯ РОЛЬ ПСИХОТЕРАПЕВТА В УСЛОВИЯХ СОВРЕМЕННОГО СОЦИУМА

И.А. Медведева, г. Минск, Беларусь

Психология и психотерапия все в большей степени становятся не только привычным феноменом современной социальной жизни, но и необходимым ее элементом. Представители профессий психологического ряда достаточно давно стали экспертами и активными участниками проектов средств массовой информации. Психологический анализ пронизывает художественные и не только тексты. Школа, здравоохранение, социальные службы, бизнес и производство, семья, политическая жизнь – все важные социальные пространства за последние несколько десятилетий оказались охваченными (захваченными) психологией и психологами. Фактически, психологические знания в наше время становятся элементом культурного тезауруса. Усложняется профессиональная структура психологической деятельности. В психологическом сообществе активно разворачивается дискуссия о статусе и профессиональных границах между психологами, психотерапевтами, психиатрами. Запрос на психологические услуги, психотехнологии огромен.

Экспансия психологии во все сферы социальной и быденной жизни оправданна. Несмотря на относительное экономическое благополучие и политическую стабильность, европейцы, например, не становятся эмоционально и интеллектуально здоровее, не становятся счастливее. По данным Всемирной организации здравоохранения (ВОЗ), в мире растет число суицидов, депрессивных расстройств, психических нарушений. Современная культура содержит достаточно психологических факторов (культ конкуренции, успеха и силы, рациональности и расчета), которые способствуют «росту общего количества переживаемых отрицательных эмоций в виде тоски, страха, агрессии и одновременно затрудняющие их